

АРТАГН–ГЕРАКЛ–АРЕС В АНТИЧНОЙ КОММАГЕНЕ

С. В. Обухов

*Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова, Москва,
kornelitta@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена культу Артагна–Геракла–Ареса, божества–покровителя царской власти, войны и победы в Коммагенском царстве в правление Антиоха I (69–34 гг. до н.э.), и его отца Митридата I Каллиника (100–70 гг. до н.э.). Основываясь на эпиграфических и археологических источниках, автор рассматривает сущность этого культа, анализируя каждый его элемент: Артагн (иранский Веретрагна), Геракла и Ареса. Все три божества имели сходные функции и, вероятно, при Антиохе I или его отце Митридате I были слиты в единый синкретический образ. Иконография на барельефах была греческая, но автор думает, что центральным элементом этого культа был Артагн, с которым, вероятно, отождествлялся царь. Таким образом, царь приобретал черты божества войны и победы. Кроме того, Артагн–Геракл–Арес был связан и с фарном – царской благодатью. Поэтому автор считает, что это божество играло очень важную роль в царском культе коммагенских царей. Отец Антиоха I, Митридат I, имел титул Каллиник, который был связан, видимо, с Гераклом–Веретрагной. Это подтверждается надписью времени Антиоха I из центра царского и династического культов в Арсаеи-на-Нимфее. О культовой практике почитания этого божества мы знаем очень мало. Автор предполагает, что с нею был связан тоннель, который был вырублен около цокольной площадки III, где, возможно, проводились какие-то церемонии, в которых царь приобретал черты Артагна–Геракла–Ареса.

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Антиох I, Артагн–Геракл–Арес, культ

Коммагена – небольшая гористая область на границе юго-восточной Малой Азии и северной Сирии; ее восточная граница проходит по Евфрату. В позднеэллинистический и раннеримский периоды (II в. до н. э. – I в. н.э.) на этой территории располагалось царство, где правила побочная ветвь сатрапской династии Оронтидов, главные представители которой управляли Великой Арменией до начала II в. н.э., пока ей на смену не пришла династия Арташесидов¹. Коммагена контролировала одну из важных переправ через Евфрат². Как независимое царство Коммагена появилась на политической карте эллинистического Востока примерно в 164–163 гг. до н.э., выделившись из слабеющей Селевкидской державы, когда эпистат этого административного округа Птолемей объявил себя царем (Diod. 31, 19a). Царская столица находилась в Самосате – наиболее крупном городе государства (Strab. XVI, II, 3)³. Свидетельств о правлении приемника Птолемея царя

Обухов Сергей Владимирович – младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kornelitta@rambler.ru

¹ Honigmann 1924, 978–990; Тиранян 1960, 1–8; Facella 2006.

² Rostovtzeff 1941, 849–850.

³ Weissbach 1920, 2220–2222.

Сама практически не осталось, кроме монет и упоминаний о нем в надписях его внука Антиоха I (OGIS. I. 396, 402) – одного из наиболее ярких представителей династии коммагенских Оронтидов, правившего с 69 по 34 гг. до н. э. Именно от его правления дошло наибольшее количество исторических памятников: надписей (в основном религиозного характера), статуй богов, барельефов и т.д. Самым же значительным памятником, который он оставил после себя, является грандиозное святилище – гробница Нимруд-Даг, располагающаяся на северо-востоке Коммагены. Нимруд-Даг представлял собой курган, являющийся искусственно надстроенной вершиной самой высокой горы Коммагены высотой более 2200 м, состоящей из принесенного материала. Этот курган имеет форму конуса с диаметром примерно в 150 метров, высота которого превышает 50 метров. У подножия конуса расположены три террасы: Северная, Восточная и Западная. На Восточной и Западной террасах были размещены по пять каменных статуй богов высотой до 3,5 метров: Зевса-Оромазда, Аполлона-Митры-Гелиоса- Гермеса, богини Коммагены, самого царя, Геракла-Артагна-Ареса; тут же были установлены барельефы, изображающие самого царя и главных божеств коммагенского пантеона, а также царских предков – греческих и персидских⁴.

В коммагенском пантеоне, наряду с Зевсом–Оромаздом, Аполлоном–Митрой–Гелиосом–Гермесом, богиней Коммагеной, одно из ведущих мест занимало божество Артагн–Геракл–Арес. Источники, поясняющие сущность и характер этого культа, можно разделить на две категории: эпиграфические (царские надписи) и археологические – монументальные статуи и барельефы. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, какие черты превалировали в культе этого божества – греческие или восточные (ирано-малоазийские). Самая информативная надпись по этому культу – посвящение царя Антиоха I Коммагенского Артагну-Гераклу-Аресу с Западной террасы Нимруд-Дага: Βασιλεὺς μέγας Ἀντίοχος ἢ θεὸς Δίκαιος Ἐπιφανὴς ἢ Φιλορωμαῖος καὶ Φιλέλλην, ἢ ὁ ἐγ βασιλέως Μιθραδάτου ἢ Καλλινίκου καὶ βασιλίσσης ἢ Λαοδίκης θεᾶς Φιλαδέλφου, ἢ Ἀρτάγνην Ἡρακλέα Ἄρην (OGIS.I.386). Перевод: «Царь Великий Антиох, бог справедливый славный, друг римлян и друг греков, происходящий от царя Митридата Каллиника и царицы Лаодики, богини Братолюбивой, (статую поставил) Артагна-Геракла-Ареса». Надпись была установлена под статуей этого божества. Артагн-Геракл-Арес упомянут и самосатской надписи Антиоха I, где было сооружено царское святилище, подобное нимруд-дагскому: ...παρὰ...Ἀρτάγνου Ἡρακλέους Ἄρεως...(OGIS. I. 404). Перевод: «От... Артагна–Геракла–Ареса». Во фрагментарной надписи из Арсамеи на реке Нимфей читается имя Артагна-Геракла, а Арес в ней отсутствует⁵.

Для определения сущности этого культа необходимо сделать несколько замечаний о теониме «Артагн». Как предположил Ф. Кюмон, которого поддержал Э. Бенвенист, форма «Артагн» является искажением авестийского Vərəθraγnō⁶. Это означает, что Артагн-Геракл-Арес является синкретическим греко-восточным божеством. Чтобы выяснить, какая составляющая этого культа преобладала, следует

⁴ Goell, Doerner 1956, 38–44.

⁵ Hoepfner 1975, 47.

⁶ Cumont 1896, 143; Benveniste, Renou 1934, 81.

рассмотреть все три божества по отдельности с целью попытаться понять, почему они были отождествлены друг с другом.

Начнем с Веретрагны, или Артагна. Это древнеиранское божество войны, победитель врагов праведной веры, т.е. маздеизма⁷, имя которого переводится в «Авесте» как «убивающий Вритру». В мифологии «Вед» Вритра – чудовищный змей, часто представляемый как воздушное облако, держащее взаперти дождь⁸. Индра, одно из главных божеств индо-ариев, убивая Вритру, приносит на землю живительную влагу⁹. В древнем Хорезме каждый год во время весеннего равноденствия проводился праздник в честь победы Веретрагны над страшным змеем Вритрой¹⁰. Одним из эпитетов Индры был *vrtrahán* – «убийца Вритры». В более позднюю эпоху в религии древних иранцев появилось божество Веретрагна, одушевленная абстракция язата победы¹¹. В зороастрийском календаре Веретрагне соответствовал 12 месяц¹². В «Авесте» Веретрагна тесным образом связан с иранским богом солнечного света и клятвенного договора Митрой, уничтожая вместе с ним врагов маздеисткой веры и клятвопреступников (*Yašt.* 10, XVIII; 70, XXXI, 127). Вместе с тем Митра связан и царским фарном. Оба божества представлены на центральном фризе дворца в Халчаяне, символически покровительствуя его владельцу¹³. Под именем Вахагн Веретрагна активно почитался в Древней Армении, являясь и там царским божеством¹⁴.

Вторым элементом, составляющим образ коммагенского божества, является Геракл – в мифологии греков герой, происходящий от самого Зевса и смертной женщины. Он совершил 12 подвигов и за это был взят на Олимп своим отцом. Правда, мы не знаем, в какой степени подобные представления характерны для Коммагены. С другой стороны, хорошо известно, что культ Геракла часто сочетался с родственными восточными культами и имел широкое распространение на эллинистическом Востоке. В той же Армении Вахагн с течением времени приобрел некоторые черты греческого Геракла и почитался как убийца злых демонов – драконов, так называемых вишапов.¹⁵ Моисей Хоренский свидетельствует, что Вахагну приписывались некоторые подвиги, похожие на геракловы, например, убийство драконов (вишапов) (I. 31). Ведь и Геракл сражался и победил Лернейскую гидру, порождение Тифона и Ехидны.

В позднеэллинистическое время культ Геракла был зафиксирован в Мидии Атропатене (современный Южный Азербайджан). В горах Керефто, на границе между современным Ираном, провинцией Западного Азербайджана и Курдистана, расположен скальный комплекс, имеющий, скорее всего, культовое назначение, с надписью в честь Геракла. Комплекс состоит из 2 этажей, вырубленных в скальной породе и сообщающихся между собой. Перед одним из них – открытый подиум, являющийся алтарем. Вероятнее всего, весь комплекс представляет со-

⁷ Lommel 1939, 45–47; Mole 1965, 58.

⁸ Macdonnel 1897, 158–159.

⁹ Леманн 1992, 24–26.

¹⁰ Боголюбов 2012, 406–416.

¹¹ Дюмезиль 1986, 87.

¹² Дрезден 1977, 354.

¹³ Пугаченкова 1971, 25–26, 42–43, рис.45.

¹⁴ Штакельберг 1901, 13–14.

¹⁵ Капанцян 1940, 63–68.

бой святилище, где приносились жертвы Гераклу-Веретрагне¹⁶. Скальный храм Геракла-Веретрагны существовал в Древней Армении в местечке Аштитат.¹⁷ В семитоязычной Хатре, царстве на границе Месопотамии и Ирана, Геракл отождествлялся с Нергалом¹⁸, месопотамским божеством подземного мира, имеющим также хтонические функции¹⁹. Более или менее эллинизированный культ Геракла, сливающийся с местными аналогами, судя по находкам скульптуры и барельефов, существовал в месопотамском Ашшуре и полуиранском-полусирийском Дура-Эвропосе²⁰. Чрезвычайной популярностью пользовался культ Геракла в Бактрии в кушанское время (I в. до н. э. – начало IV в. н. э.), где он отождествлялся с Веретрагной, Шивой, речным богом Окшо и обоготворенным воином-предком²¹.

В религии скифов, кочевых иранцев, Геракл отождествлялся с каким-то местным божественным аналогом. Он предстает в качестве божества, тесно связанного с функцией защиты, физической мощи и доблести, и как победитель чудовищ²². Это подтверждается находками в скифских царских курганах (например, в Куль-Обе) золотых бляшек, представляющих сцену борьбы мифического героя со львом Б. Н. Граков считает, что они передают местную переработку известного мифа о победе Геракла над Немейским львом. В мифологии скифов Геракл был их мифическим прародителем, поэтому его сопоставляли с Таргитаем – мифическим скифским первопредком²³. В итоге сложился синкретический образ полубога-полугероя Геракла-Таргитая, которого сравнивали с Веретрагной.

В древнеиранском эпосе, древнейшие пласты которого содержатся в «Авесте», представлен ряд героев, являющихся персонификациями Веретрагны и на глубинном уровне близких Гераклу, как истребителей мирового зла, темных и необузданных сил, враждебных светлому началу. В так называемом «Хом-Яште» (Yasna IX) Хаома – божество священного напитка древних иранцев – перечисляет Заратуштре тех героев и родоначальников иранцев, которые первыми выжимали и приготавливали напиток из священного сока Хаомы. Среди них выделяется Феридун, который стал третьим человеком, употребляющим сок Хаомы в священнодействиях (т.е. он был маздеистом)²⁴. Этот Феридун убил чудовищного змея: *janaŋ azīm dahākəm θrizafanəm, θrikaməgəδəm...āšaojanhəm daēvīm drujiim...* – «убил змея Дахаку с тремя пастями, тремя головами..., наисильнейшую нечисть дэвов» (Yasna IX, 9) В. Н. Топоров полагает, что в мифе о Траэтоне отражены некоторые архаичные мотивы, позволяющие поставить вопрос о связи поединка с драконом с праздником иранского Нового года – Ноуруза, ядро которого составляет инсценировка убийства чудовища²⁵ (ср. убийство Индрой Вритры, а также новогоднее празднество в Древнем Хорезме в честь Веретрагны, фактического аналога Траэтона и греческого Геракла).

¹⁶ Гаибов 1984, 14–15; Алиев 1989, 109–111.

¹⁷ Тревер 1953, 160 сл.

¹⁸ Шлюмберже 1985, 123, рис. 114.

¹⁹ Никольский 1959, 28.

²⁰ Mathiesen 1992, 193–194, cat. no. 165, fig. 46; 195, cat. no. 168, fig. 48, cat. no. 169, fig. 49.

²¹ Пугаченкова 1977, 77–92.

²² Бессонова 1983, 44–45.

²³ Граков 1950, 12–14, рис. 1; 1971, 85.

²⁴ Топоров 2014, 382–384.

²⁵ Топоров 2014, 38–3384.

Еще один иранский герой Кэ-рэсаспа убил рогатого чудовищного змея, порождение Ахримана: *janaṭ azīm srvaṅəm...aspōgarəm, pəṛəgarəm* – «он убил змея рогатого..., людей пожирающего...» (Yasna. IX, 11). В этом смысле оба героя также имеют сходство со скифским Гераклом – Таргитаем, побеждающим различные творения зла²⁶. Это, по нашему мнению, еще одна немаловажная причина, по которой образ Геракла так прижился в иранском мире, и в силу некой общности функций на глубинном уровне индоевропейских религиозных представлений его иконография стала одной из основ иконографии Веретрагны. Можно не соглашаться с основными выводами концепции Ж. Дюмезиля, однако нельзя не принять его доводов в пользу того, что Геракл для части индоевропейцев олицетворял военную функцию²⁷, т.е. фактически от имени верховного бога он боролся с темными силами. Все это вполне применимо и к Веретрагне.

Рис. 1. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф с Западной террасы Нимруд-Дага

Неудивительно поэтому, что в Коммагене иконография синкретического божества Артагна-Геракла-Ареса на барельефах восходит к изобразительному типу греческого Геракла. На Западной террасе нимруд-дагского святилища в ходе раскопок был обнаружен барельеф, на котором представлена сцена рукопожатия царя (Антиоха I) и обозначенного божества (рис. 1). Высота барельефа 3,5 м. Как и положено Гераклу, божество обнажено, держит в левой руке суковатую палицу, а за спиной у него висит львиная шкура²⁸. Это обычные атрибуты эллинского Геракла. Аналогичную иконографию героя-бога можно наблюдать на барельефе из царского святилища в Арсамее на реке Нимфей²⁹ (рис. 2). Фрагмент барельефа с царем и Артагной–Гераклом–Аресом был найден и при раскопках Селевкии – на Евфрате, где, возможно, существовало святилище царского культа (рис. 3)³⁰. В местечке Сейлик, находящемся ниже от Нимруд-Дага по течению реки Евфрат, Антиохом было устроено святилище царского культа, где он поставил такой же барельеф,

²⁶ Раевский 1977, 81–86.

²⁷ Dumézil 1971, 117–119.

²⁸ Humann, Puchstein 1890, 327, taf. XXXIX.2; Çoban 2010, 25–26.

²⁹ Dörner 1954, 15; 1956, 74–75; Colledge 1987, 159, pl. XIII.

³⁰ Wagner 1975, 52, abb.76.

Рис. 2. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф из Арсамеи на реке Нимфей

Рис. 3. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф из Селевкии на Евфрате

как и в предыдущих случаях: на нем царь пожимает руку Артагну–Гераклу–Аресу (рис. 4)³¹. По-видимому, на этом месте располагался один из священных центров царского культа. Образ божества на всех барельефах одинаков. Хорошей параллелью Артагне-Гераклу-Аресу может служить статуя отдыхающего Геракла из Бехистуна в Персиде, датирующаяся серединой II в. до н. э.³²

Важным атрибутом Артагна-Геракла-Ареса на барельефах является венок из лучей, увенчивающий его голову. Лучше всего он сохранился на арсамейском и нимруд-дагском барельефах. О его значении будет сказано позже.

Перейдем теперь к анализу иконографии Артагна–Геракла–Ареса. Она явно греческая, так как барельефы исполнены греческим или эллинизированным мастером. Эллинские черты особенно хорошо просматриваются на арсамейском и нимруд-дагском барельефах. Рельеф из Сейлика оформлен грубее. Может быть, при создании барельефов для центральных царских святилищ Коммагены приглашали греческих мастеров (скорее всего, с запада Малой Азии), а для менее значимых – местных, которые подражали эллинским канонам. Поэтому, обращаясь к фигуре Артагна–Геракла–Ареса на барельефе из Арсамеи, Ф. К. Дернер отмечает, что его фигура была исполнена в стиле греческого искусства V в. до н. э., в частности, под влиянием Поликлета³³. Это замечание можно распространить

³¹ Humann, Puchstein 1890, 368–369, abb. 52; Colledge 1977, 99, pl. 32a.

³² Фрай 2002, 211, рис. 69–70.

³³ Dörner 1956, 75.

и на остальные фигуры божества на коммагенских барельефах, которые также подражали стилю высокой классики. Фигура божества оформлена в монументальной статичной позе с отставленной назад левой ногой. Статуи Поликлета, в том числе и знаменитый Дорифор, совершают движение в состоянии покоя: он делает несомненный шаг вперед, но при этом туловище в движении не участвует³⁴. Однако необходимо отметить, что в иконографии Артагна–Геракла–Ареса коммагенских барельефов просматривается и традиция великого греческого скульптора эпохи поздней классики и раннего эллинизма Лисиппа. Ведь в его творчестве, в отличие от Поликлета, Геракл играл одну из ведущих ролей. Как пишет О. Ф. Вальдгауэр, одна из наиболее известных скульптур Лисиппа – так называемый Геракл Фарнезе, дошедший до нас только в копиях. Вероятно, мастера, создавшие иконографию Артагна–Геракла–Ареса на барельефах Коммагены, сочетали традиции Поликлета и Лисиппа. Влияние последнего проявляется в общей тяжеловесности и приземистости фигуры бога и легкого наклона головы. Для эпохи эллинизма очень показательным преувеличением мускулатуры тела божества, появившейся в I в. до н.э. и известной по копиям оригиналов Лисиппа³⁵. Такая гиперболизация мускулатуры присутствует на всех коммагенских барельефах с Артагна–Гераклом–Аресом. Вряд ли стоит, как это делает Ф. К. Дернер, относить барельеф из Арсамеи на Нимфее ко времени Митридата I Каллиника (начало I в. до н.э.)³⁶ только на основе формальных признаков иконографии. Он фактически не отличается от других барельефов с фигурой Артагна–Геракла–Ареса.

В позднеэллинистический и римский периоды в Армении и Иране иконография Геракла часто служила для оформления образа Веретрагна или, вероятнее всего, синкретического божества Геракла–Веретрагна с меньшим или большим преобладанием греческих или восточных черт. Р. М. Гиршман при раскопках террасного комплекса Масхидж–Сулейман в Персиде обнаружил в слоях парфянского времени скульптурные фрагменты статуи Веретрагны в образе Геракла (находка датируется I в. до н.э.)³⁷. На ряде серебряных драхм Митридата I (171–138 гг. до н.э.) изображен стоящий Геракл, чья иконография весьма сходна с иконографией коммагенского Артагна–Геракла–Ареса и восходит, вероятно, к традициям Поликлета и Лисиппа. В. Вроф относит эти монеты к селевкидскому стилю³⁸.

Рис. 4. Артагн–Геракл–Арес и Антиох I Коммагенский(?). Барельеф из святилища в Сейлике

³⁴ Недович 1939, 59–62; Виппер 1972, 181–182.

³⁵ Вальдгауэр 1923, 28–29, рис. 14–17.

³⁶ Dörner 1956, 75.

³⁷ Гиршман 1978, 71.

³⁸ Wroth 1900, 8–9, pl. VII, 12–13.

Парфяне, позаимствовав этот образ, поместили Геракла на своих монетах в целях династической пропаганды, подчеркивая свою преемственность с Селевкидами. Об этом же говорит и оформление некоторых метоп здания с квадратным залом Старой Нисы в виде палицы Геракла³⁹. Не исключено, что на монетах Митридата I представлено синкретическое божество Геракл-Веретрагна, учитывая иранское происхождение династии Аршакидов. На одной из монет парфянского царя Артабана II начала I в. н.э. изображена фигура обнаженного мужчины атлетического телосложения, вероятно, атлета, на левой руке которого сидит птица⁴⁰. В «Бахрам-Яште» показано шестое воплощение Веретрагны – это юный красивый муж пятнадцати лет, высокий, быстроногий, обладающий зоркими глазами, а седьмое воплощение дано в образе птицы Варагн (Bahr.–Yašt. VI–VII, 17–20). В «Авесте» человеческий облик Веретрагны, кроме образа пятнадцатилетнего мужа, более никак не конкретизируется. Поэтому можно полагать, что на монете представлено одно из воплощений этого божества с чертами Геракла, а птица, сидящая на его левой руке, – Варагн. Если вспомнить, что парфянская верхушка была эллинизирована, то это не представляется невероятным.

Что касается Армении, то, согласно Моисею Хоренскому, Тигран II Великий захватил в Азии (в Сирии) среди прочих статуй греческих богов и изваяние Геракла с целью перевезти ее в Армению. Сначала она была установлена в царском святилище Армавира, а уже после смерти Тиграна жрецы перевезли ее в деревню Аштитат, которая являлась их собственностью (II, 12). Конечно, армяне почитали не греческого Геракла, а Вахагна либо синкретическое божество Веретрагну-Геракла. Сведения Моисея Хоренского о постановке статуи этого божества в деревне Аштитат, возможно, указывают на создание там храмовой общины или святилища. Еще одну статую Геракла Арташес I поставил в Ани (II, 13). Статуя Геракла-Веретрагна имела и в Багаране – священном городе, выстроенном Ервандом III (конец III в. до н.э.) (II, 40). Несмотря на глубокие корни, которые пустил этот культ в Древней Армении, иконография божества, скорее всего, была греческой либо с незначительными местными чертами. Это мы встречаем и в Коммагене, где царь Антиох возвел две статуи Артагны-Геракла-Ареса соответственно на Западной и Восточной террасах Нимруд-Дага.

Божество войны в образе Геракла почиталось, видимо, и среди ираноязычных кочевников-саков, по крайней мере части из них. Эти кочевники вместе с племенами юечжей разгромили Греко-Бактрийское царство, но в скором времени сами стали испытывать воздействие эллинской культуры. В одном из богатых сакских курганов I в. до н.э. на территории бывшей Греко-Бактрии (Тохаристана) был найден перстень с грубым изображением Геракла⁴¹. Сомнительно, что саки почитали Геракла как чисто греческое божество. Очень может быть, что под личиной греческого бога, как и у скифов, скрывалось их местное божество войны. Не исключено, что это был аналог Веретрагны.

В эпоху поздней античности и Раннего Средневековья в Средней Азии образ бога войны существенно изменился. Теперь это был всадник в кочевнической

³⁹ Пилипко 1996, 37, табл. 20.5, 21.1.

⁴⁰ Herzfeld 1941, 298, fig. 391.

⁴¹ Мандельштам 1966, 122, табл. LVI. 5.

одежде, держащий копье с бунчуком. Плакетка с таким изображением была обнаружена на городище Канка под Ташкентом и относится к V–VII вв. н.э.⁴²

Еще одним, правда, необязательным элементом коммагенского Артагна–Геракла являлся Арес. Не совсем понятно, к какой традиции относить это божество – местной или эллинской? В греческой традиции Арес выступал в первую очередь как божество дикой и кровавой войны; его хтонические функции, фиксируемые в ряде религиозных традиций греческих полисов, просматриваются очень бледно⁴³. Однако и в другой индоевропейской мифологической традиции – скифской и сарматской – также имелся свой местный Арес. Олицетворением этого божества войны у скифов являлся меч. Отголоски этих верований дошли до нашего времени в осетинском нартском эпосе⁴⁴. Вероятно, курганы № 1 и № 5 у аула Уляп (совр. Республика Адыгея) представляли собой ритуальные комплексы, где приносились жертвы скифо-меотскому Аресу, аналогу авестийского Веретрагны⁴⁵.

Возможны и другие объяснения. Одно из них заключается в том, что культ Ареса как бога войны был широко распространен в юго-восточных и центральных областях Малой Азии – Фригии, Ликаонии, Писидии и др. Одно из посвящений Аресу из Ликаонии было опубликовано Л. Робером⁴⁶. Не является ли в свете этих данных коммагенский Арес местным аналогом Артагна–Геракла? Это вполне вероятно, но мы слишком мало знаем, чтобы говорить об этом с полной уверенностью. Как мы уже сказали, в надписи из Арсамеи-на-Нимфее в имени коммагенского божества Артагна–Геракла–Ареса последний элемент отсутствует. С чем же это связано? По-видимому, ответ необходимо искать в космологических функциях Ареса. В позднеэллинистической астрономии Арес весьма часто сопоставлялся и сливался с планетой Марс. На одном из среднеазиатских оссуариев позднеантичного времени изображена фигура льва и юного царя с мечом и отрубленной мужской головой. Как считает А. Я. Борисов, в фигуре юного царя следует видеть олицетворение планеты Марс – образа, заимствованного из позднеавиловской астрономической традиции⁴⁷. Что подразумевается под фигурой льва, сказать трудно. В то же время в коммагенских царских гороскопах роль Марса–Ареса играл, вероятно, Геракл, что видно по гороскопу из Нимруд-Дага: Πυρόεις Ἡρακλέους... – говорится там⁴⁸. Поэтому отсутствие Ареса в арсамейских надписях объясняется тем, что он не играл слишком большой роли в царских гороскопах Коммагены⁴⁹.

Какой же религиозный смысл несла в себе сцена рукопожатия царя с божеством Артагной–Гераклом–Аресом? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что Веретрагна теснейшим образом связан с царским фарном, в ряде случаев он может быть ему тождествен⁵⁰. Вообще Артагн–Геракл–Арес олицетворял доблесть

⁴² Богомолов 1980, 69–79.

⁴³ Farnell 1909, 396–407.

⁴⁴ Дюмезиль 1990, 14–38.

⁴⁵ Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих 2013, 16–23, рис. 3, 5–14, 34–56, 87, рис. 24–55.

⁴⁶ Robert 1955, 72–78, pl. VIII. 4.

⁴⁷ Борисов 1945, 10.

⁴⁸ Jalabert, Mouterde 1929, 38, №36.

⁴⁹ Duchesne–Guillemin 1978, 199.

⁵⁰ Литвинский 1968, 87–92.

и силу, наделяя царя своей победоносностью и мощью⁵¹. Означенная трактовка относится ко всем барельефам со сценами рукопожатия царя и Артагна-Геракла-Ареса. Подобные явления в царской идеологии можно наблюдать и в Древней Армении, где царь Тигран II Великий (I в. до н.э.), как показал Г.Х. Саркисян, обожествлялся и отождествлялся с божеством Вахагном-Гераклом⁵², и в Кушанском царстве, владыкам которого Геракл также передавал силу и мощь, как об этом свидетельствует изображение чаганианского правителя и данного божества на терракотовом медальоне из Халчаяна. Г.А. Пугаченкова, опубликовавшая этот медальон, интерпретировала фигуру справа от правителя как наследника престола⁵³. Однако это сомнительно, и, скорее всего, это Геракл-Веретрагна.

Несколько слов о символическом значении венков, состоящих из лучей, на голове фигуры Артагна-Геракла-Ареса на барельефах. Как пишет Л.А. Кемпбелл, они являются символом силы и царской победы, а также власти⁵⁴. Такие же точно венки получают сасанидские цари Шапур I и Бахрам от Оромазда⁵⁵. Венок у Артагна-Геракла-Ареса является еще одним аргументом в пользу его принадлежности к древнеиранской религиозной традиции.

О культовой практике почитания Артагна-Геракла-Ареса в Коммагенском царстве почти ничего неизвестно. Можно лишь высказать некоторые предположения. В царском святилище Арсамей-на-Нимфее на цокольной площадке III, на юго-западной стороне святилища, где был установлен один из упомянутых барельефов со сценой рукопожатия царя и Артагна-Геракла-Ареса, расположен вход в большой тоннель с полукруглым сводом, вырубленный в скале. Длина тоннеля 158 м, в конце он расширяется, а в некоторых местах его ширина достигает до 3,2 м. Выхода тоннель не имеет⁵⁶. Подобный тоннель, о котором мы уже говорили, был вырублен в скале около цокольной площадки I, также находящейся на юго-западной стороне святилища. Его общая длина 15 м. Он разделен на галерею, переходящую в прямоугольную платформу, и квадратную комнату со сторонами длиной 5 м каждая⁵⁷. Некоторые исследователи, например Ф.К. Дернер, считают, что оба помещения связаны с почитанием Митры⁵⁸. Мы согласны с этой точкой зрения, но только в отношении тоннеля у цокольной площадки I. Помещение у цокольной площадки III могло использоваться иначе. Можно предположить, что там проводились какие-то священнодействия, в ходе которых царю даровалась сила и победоносность, и барельеф с Артагном-Гераклом-Аресом у этой цокольной площадки разъяснял суть этих церемоний. Подробностей обрядов мы не знаем, поскольку они были скрыты от глаз непосвященных. Кроме того, соседство двух помещений, в одном из которых почитался Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес и царь становился его воплощением, а в другом проводились церемонии, в ходе которых царь приобретал черты победоносного владыки, отражает тесную связь в древнеиранской религии Митры и Веретрагны. В нашем же случае такая связь про-

⁵¹ Benveniste, Renou 1934, 71–72.

⁵² Саркисян 1966, 17.

⁵³ Пугаченкова 1962, 88–95.

⁵⁴ Campbell 1968, 197.

⁵⁵ Sarre 1923, taf.71, 78.

⁵⁶ Mellink 1955, 240; Dörner 1956, 77–79; Mellink 1958, 101; Çoban 2010, 42.

⁵⁷ Dörner 1956, 76–77.

⁵⁸ Dörner 1978, 130–131.

смаатривается между Аполлоном–Митрой–Гелиосом–Гермесом и Артагном–Гераклом–Аресом. Надо отметить, что и в позднейшем митраизме Веретрагна–Геракл играл одну из ключевых ролей в мистериях Митры римского времени и часто изображался в образе свирепого вепря⁵⁹.

Г. Вальдманн предположил, что святилище в местечке Сейлик неподалеку от Самосаты было основано Митридатом I Каллиником (100–70 гг. до н. э.), отцом Антиоха I Коммагенского, а найденная там стела, на которой были вырезаны фигура царя, пожимающая руку Артагну–Гераклу, и царский манифест об основании святилища относятся ко времени отца Антиоха I. Однако анализ сохранившегося фрагмента, где говорится о положении храмовых рабов-иеродулов, не дает оснований относить его ко времени Митридата, так как по содержанию и по стилю он существенно не отличается от соответствующих строк манифеста Антиоха I из Нимруд–Дага. Поэтому филологические аргументы Г. Вальдманна не слишком убедительны⁶⁰. Иконографическая схема сохранившегося барельефа ничем не отличается от барельефов из Нимруд–Дага и Арсамеи–на–Нимфее, на которых представлены его сын, Антиох, и Артагн–Геракл–Арес. Фактически это сцена инвеституры, когда божество наделяет царя непобедимостью и мощью⁶¹. Различия проявляются лишь в стилистическом плане. Рельеф из Сейлика грубее, чем барельефы из Нимруд–Дага и Арсамеи; трактовка фигур на нем плоскостная, отсутствует объемность изображения, характерная для всех без исключения барельефов Нимруд–Дага. К тому же на этом барельефе царь представлен с бородой, а Антиох никогда так не изображался. Это отмечает и Г. Вальдманн⁶², но он исходит из неверной предпосылки, пытаясь по стилю сопоставить сейликский барельеф с барельефом III цокольной площадки Арсамеи–на–Нимфее. Мы попытались доказать в главе о культе Артагна–Геракла–Ареса, что никаких оснований датировать его временем Митридата нет. Более основательно указание Г. Вальдманна на связь эпиклезы «Каллиник» (Καλλίνικος – «побеждающий справедливо») ⁶³ со сценой на барельефе из Сейлика и строками 32–33 надписи из Арсамеи–на–Нимфее, где четко отражено представление о Геракле как о божестве военной победы и мощи царя: ἦτις ἦρωικῶν ἀγῶνων κοινᾶις φήμαις ἐκηρύχθη καλλίνικος⁶⁴. Гипотеза Г. Вальдманна в целом любопытна. Если ее принять, то необходимо признать, что уже при Митридате I начал складываться государственный централизованный царский культ.

⁵⁹ Брагинский 1991, 232–233; Вертиенко 2014, 107–113.

⁶⁰ Waldmann 1973, 35, 37–42

⁶¹ Waldmann 1973, taf.VII.

⁶² Waldmann 1973, 37.

⁶³ О связи этого эпитета с культом Геракла и военной сферой: Ханиотис 2013, 126.

⁶⁴ Dörner, Goell 1963, 40; Waldmann 1973, 36 Как справедливо полагает Ф. Муциоли, весьма проблематично разделить в названном контексте военную составляющую и связь этой эпиклезы с культом предков Митридата (переводить ἦρωικῶν ἀγῶνων можно и как «состязания в честь героизированных предков») (Muccioli 2013, 344–345). Так что вряд ли права М. Фацелла, видящая в титуле этого царя Коммагены только успехи на военном поприще (Facella 2006, 214). Эпитет «Каллиник» мог выступать калькой иранского понятия «фарн», т.е. царской благодати, которая передавалась царю божествами либо предками, а часто и теми и другими вместе во время празднеств в честь последних. Понятие «победы», заложенное в эпиклезе Митридата, в иранском мире являлось эквивалентом «фарна» и как раз было связано с Веретрагну (Hertel 1926, 174–175 и сл.).

Рис. 5. Статуя Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Восточная терраса

Кроме разобранных выше барельефов, на Восточной и Западной сторонах Нимруд-Дага при Антиохе I, наряду с прочими статуями богов, были воздвигнуты изваяния Артагна-Геракла-Ареса. Обе статуи находятся у правого края пантеона коммагенских богов. До наших дней в относительно хорошем состоянии дошла статуя этого божества с Восточной террасы (рис.5). Она выполнена в персидском одеянии ахеменидской эпохи – в сараписе – мужской верхней нераспашной одежде с длинными рукавами⁶⁵, персидских штанах и сапогах (анексиридах). Единственный атрибут греческого Геракла на статуях – суковатая палица. У его голов, которые были обнаружены отдельно, лицо позднегреческого типа, усталого, нуждающегося в отдыхе героя (рис. 6–7). Узкий лоб с угловатыми бровями, глубоко сидящие глаза, широкие скулы, полуоткрытый бесформенный рот, суммарно показанная борода – все это создает впечатление грубой работы. В правой руке Артагн-Геракл-Арес, как и другие боги, держит барсом.⁶⁶ Голова божества

⁶⁵ Яценко 2006, 36, рис.11–13.

⁶⁶ Humann, Puchstein 1890, 257-258, taf. XXIX. 2, 297-298, taf. XXX. 2; Başgelen 2012, 98.

Рис. 6. Голова Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Восточная терраса

Рис. 7. Голова Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Западная терраса

увенчивается остроконечной тиарой, аналогичной головному убору Зевса–Оромазда⁶⁷. Иконография статуй Артагна–Геракла–Ареса резко отличается от иконографии этого божества на барельефах царских святилищ, поэтому прав Х. Дерри, утверждающий, что нельзя на основе иконографии этого божества на барельефах говорить о чисто греческом характере его культа⁶⁸. Оно – синкретическое, впрочем, как и остальные божества коммагенского пантеона.

Интересной аналогией статуям Артагна–Геракла–Ареса из Нимруд–Дага может служить изображение на терракотовой плитке из Барратепе (Древняя Бактрия), датирующееся кушанской эпохой. По мнению К. Абдуллаева, на ней представлена фигура Геракла–Веретрагна с явным преобладанием черт первого, так как божество в иранском костюме, сапогах, его голова перехвачена начальной лентой, на плечи накинута звериная шкура, правая рука держит занесенную над головой сучковатую палицу. Более или менее аналогичная терракотовая плитка из Кара–Пичок позднекушанского времени изображает царя в образе Геракла–Веретрагна. Поэтому К. Абдуллаев заключает, что в коропластике образ Геракла приобретает синтезированные черты греческого и иранского влияния⁶⁹.

Подводя итог, можно сказать, что Артагн–Геракл–Арес и его культ являются одной из важнейших составляющих коммагенского пантеона и царского культа. Главная функция этого божества состояла в наделении царя мощью и победоносностью, поэтому Веретрагна представляется центральным элементом культа с несомненным иранским оттенком, несмотря на его греческую иконографию на барельефах Арсамей–на–Нимфее и Нимруд–Дага. Присутствие же Ареса в культе, видимо, связано с местным малоазийским влиянием. Артагн–Геракл–Арес входил в круг синкретических божеств, пользующихся широким распространением в период позднего эллинизма на Ближнем Востоке и Малой Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, К.В. 1988: О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии). *ИМКУз* 22, 26–34.
- Алиев, И. 1989: *Очерк истории Атропатены*. Баку.
- Бессонова, С.С. 1983: *Религиозные представления скифов*. Киев.
- Боголюбов, М.Н. 2012: Праздник «Сокращения Вритры» в древнем Хорезме. В кн.: О.М. Чунакова (ред.), *Труды по иранскому языкознанию. Избранное*. М., 406–416.
- Богомолов, Г.И. 1980: Изображение всадников с городища Канка. *ИМКУз* 14, 69–79.
- Борисов, А.Я. 1945: К проблеме согдийского искусства. *СГЭ* III, 10.
- Брагинский, И.С. 1991: Веретрагна. *Мифы народов мира* 1, 232–233.
- Вальдгауэр, О.Ф. 1923: *Лисипп*. Берлин.
- Вертиенко, А.В. 2014: Оружие Веретрагны и воин–вепрь в паниранской среде. В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности. Сб. науч. трудов XVIII Сергеевских чтений* 3. М., 107–113.
- Виппер, Б.Р. 1972: *Искусство Древней Греции*. М.
- Гаибов, В.А. 1984: О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке (скальный комплекс Керифто в Иране). В сб.: Г.А. Кошеленко, Г.А. Тиращян, Б.А. Аракелян (ред.), *ВСПЭКВ–II*. Ереван, 14–15.

⁶⁷ Young 1964, 33, pl.11, pl.12, fig.2.

⁶⁸ Dörrie 1964, 189–190.

⁶⁹ Абдуллаев 1988, 26–34.

- Гиришман, Р.М. 1978: Религии Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама. В сб.: В. Г. Луконин (ред.), *Культура Востока. Древность и раннее Средневековье*. Л., 66–73.
- Граков, Б.Н. 1950: Скифский Геракл. *КСИИМК XXXIV*, 11–20.
- Граков, Б.Н. 1971: *Скифы*. М.
- Дрезден, М. 1977: Мифология Древнего Ирана. В сб.: В. А. Якобсон (ред.), *Мифологии древнего мира*. М., 337–365.
- Дюмезиль, Ж. 1986: *Верховные боги индоевропейцев*. М.
- Дюмезиль, Ж. 1990: *Скифы и нарты*. М.
- Капанцян, Г.А. 1940: *Хеттские боги у армян*. Ереван.
- Леманн, Эд. 1992: Индусы. В кн.: Д. П. Шантепи де ля Соссей (ред.), *Иллюстрированная история религий 2*. Соргавала, 8–143.
- Лесков, А.М., Беглова, Е.А., Ксенофонтова, И.В., Эрлих, В.Р. 2013: *Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. М.
- Литвинский, Б.А. 1968: *Кангюйско-сарматский фарн*. Душанбе.
- Мандельштам, А.М. 1966: Кочевники на пути в Индию. *МИА* 136. М.
- Недович, Д.С. 1939: *Поликлет*. М. –Л.
- Никольский, Н.М. 1959: *Культура Древней Вавилонии*. Минск.
- Пилипко, В.Н. 1996: *Старая Ниса. Здание с квадратным залом*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1962: Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. *ВДИ* 2, 88–95.
- Пугаченкова, Г.А. 1971: *Скульптура Халчаяна*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1977: Геракл в Бактрии. *ВДИ* 2, 77–92.
- Раевский, Д.С. 1977: *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.
- Саркисян, Г.Х. 1966: Обожествление и культ царей и царских предков в Древней Армении. *ВДИ* 2, 3–26.
- Тирацян, Г.А. 1960: *Ахеменидские традиции в древней Армении*. М.
- Топоров, В.Н. 2014: Траэтона. В кн.: В. В. Иванов (ред.), *Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий 2*. М., 380–385.
- Тревер, К.В. 1953: *Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. М.
- Фрай, Р. 2002: *Наследие Ирана*. М.
- Ханиотис, М. 2013: *Война в эллинистическом мире*. СПб.
- Шлюмберже, Д. 1985: *Эллинизированный Восток*. М.
- Штакельберг, Р.Р. 1901: *Об иранском влиянии на религиозные верования древних армян*. СПб.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы)*. М.
- Yaşgelen, N. 2012: *Mount Nemrut*. Ankara.
- Benveniste, E. et Renou, L. 1934: *Vītra et Vīθragna. Étude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Campbell, L.A. 1968: *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden.
- Çoban, M. 2010: *Nemrud*. Adiyaman.
- Colledge, M.A.R. 1977: *The Parthian Art*. London.
- Colledge, M.A.R. 1987: Greek and non-Greek Interaction in Art and Architecture. In: A. Kurht, S. Sherwin-White (eds), *Hellenism in East. The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander*. Los-Angeles, 114–190.
- Cumont, F. 1899: *Textes et monuments relatifs figures aux mysteres de Mithra*. Vol. I. Bruxelles.
- Dörner, F.K. 1954: Arsameia Nymphaios. *AS* 4, 14–15.
- Dörner, F.K. 1956: Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluss. *Das Altertum*. Bd.2. Heft.2, 67–82.

- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierotheion des Mithradates Kallinikos von 1953-1956*. Berlin.
- Dörner, F.K. 1978: Mithras in Kommagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran- Liege, 123-133, abb. I-V.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königskult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inshriften –Funde*. Göttingen.
- Duchesne-Guillemin, J. 1978: Iran and Greece in Commagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran. Liege, 187-199.
- Dumezil, G. 1971: *Mythe et epepee. Types epiaques indo –européens: Un heros, un sorcier, un roi*. Paris.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Farnell, L.R. 1909: *The cults of the Greek states*. Vol.V. Oxford.
- Goell, Th., Dörner, F.K. 1956: The Tomb of Antiochus I. *Scientific American*. July, 38-44.
- Hertel, J. 1931: *Yašt 14, 16, 17. Text, Übersetzung und Erläuterung (Indo-Iranische Quellen und Forschungen, Hft.VII)*. Leipzig.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London-New-York.
- Honigmann, E. 1924: Kommagene. *RE IV*, 978-990.
- Hoepfner, W. 1975: Architektur in Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 43-50, 60-74 abb.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Lommel, H. 1939: *Der Arische Kriegsgott*. Frankfurt am Main.
- Macdonnel, A.A. 1897: *Vedic Mythology*. Strassburg.
- Mathiesen, H.E. 1992: *Sculpture in the Parthian Empire. Catalogue*. Vol.II. Aarhus.
- Mellink, J.M. 1955: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 59/3, 238-240, pl.70-71. fig.4-9.
- Mellink, J.M. 1958: The Archaeology in Asia Minor. *AJA* 62/2, 101-103, pl.19, fig.12-16.
- Mole, H. 1965: *L' Iran ancien*. Paris.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Bologna-Ravenna.
- Robert, L. 1955: Dedicace Ares. *Hellenica X*, 72-78, pl.VIII.4.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol.II. Oxford.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des Alten Persiens*. Berlin.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51-59, 75-86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Weissbach, S. 1920: Samosata. *RE I*, 2220-2222.
- Wroth, W. 1900: *On the Rearrangement of Parthian Coinage*. London.
- Young, J. H. 1964: Kommagenian Tiaras: Royal and Divine. *AJA* 68/1, 29-34, pl.11-13.

REFERENCE

- Abdullaev, K.V. 1988: O kulte Gerakla v Baktrii (nekotorye voprosy ikonografii). *IMKuz* 22, 26-34.
- Aliev, I. 1989: *Ocherk istorii Atropateny*. Baku.
- Başgelen, N. 2012: *Mount Nemrut*. Ankara.
- Benveniste, E. et Renou, L. 1934: *Vr̥tra et Vr̥θragna. Étude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Bessonova, S.S. 1983: *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev.
- Bogolyubov, M.N. 2012: Prazdnik «Sokrusheniya Vr̥trity» v drevnem Khorezme. In: O. M. Chunakova (red), *Trudy po iranskomu yazykoznaniyu. Izbrannoe*. Moscow.

- Bogomolov, G.I. 1980: Izobrazhenie vsadnikov s gorodishcha Kanki. *IMKuz* 14, 69–79.
- Borisov, A.YA. 1945: K probleme sogdiyskogo iskusstva. *SGE* III, 10.
- Braginskiy, I.S. 1991: Veretragna. *Mify narodov mira* 1, 232–233.
- Campbell, L.A. 1968: *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden.
- Çoban, M. 2010: *Nemrud*. Adiyaman.
- Colledge, M.A.R. 1977: *The Parthian Art*. London.
- Colledge, M.A.R. 1987: Greek and non-Greek Interaction in Art and Architecture. In: A.Kurht, S. Sherwin-White (eds.), *Hellenism in East. The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander*. Los-Angeles, 114–190.
- Cumont, F. 1899: *Textes et monumentes relatifs figures aux mysteres de Mithra*. Vol.I. Bruxelles.
- Dörner, F.K. 1954: Arsameia Nymphaios. *AS* 4, 14–15.
- Dörner, F.K. 1956: Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluss. *Das Altertum*. Bd.2. Heft.2, 67–82.
- Dörner, F.K. 1978: Mithras in Kommagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran- Liege, 123-133, abb. I–V.
- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierothesion des Mithradates Kallinikos von 1953-1956*. Berlin.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königskult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inschriften – Funde*. Göttingen.
- Drezden, M. 1977: Mifologiya Drevnego Irana. In: V.A. Yakobson (red.), *Mifologii drevnego mira*. M., 337–365.
- Duchesne-Guillemin, J. 1978: Iran and Greece in Commagene. In: H. Brill (eds.), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran. Liege, 187–199.
- Dumezil, G. 1971: *Mythe et epopée. Types epiciques indo-europeens: Un heros, un sorcier, un roi*. Paris.
- Dyumezil', Zh. 1986: *Verkhovnye bogi indoevropeytssev*. Moscow.
- Dyumezil', Zh. 1990: *Skify i narty*. Moscow.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Farnell, L.R. 1909: *The cults of the Greek states*. Vol.V. Oxford.
- Fray, R. 2002: *Nasledie Irana*. Moscow.
- Gaibov, V.A. 1984: O nekotorykh problemakh kulta Gerakla na ellinisticheskome Vostoke (skal'nyy kompleks Kerefto v Irane). In: G.A. Koshelenko, G.A. Tiratsyan, B.A. Arakelyan (red), *VSPEKV-II*. Erevan, 14–15.
- Ghirshman, R.M. 1978: Religii Irana ot VIII v. do n. e. do perioda islama. In: V.G. Lukonin (red), *Kultura Vostoka. Drevnost' i rannee Srednevekov'e*. L., 66–73.
- Goell, Th., Dörner, F.K. 1956: The Tomb of Antiochus I. *Scientific American*. July, 38–44.
- Grakov, B.N. 1950: Skifskiy Gerakl. *KSIIMK* XXXIV, 11–20.
- Grakov, B.N. 1971: *Skify*. Moscow.
- Hertel, J. 1931: *Yašt 14, 16, 17. Text, Überzetzung und Erläuterung (Indo-Iranische Quellen und Forschungen, Hft.VII)*. Leipzig.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London–New-York.
- Hoepfner, W. 1975: Architektur in Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 43–50, 60–74 abb.
- Honigmann, E. 1924: Kommagene. *RE* IV, 978-990.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kapantsyan, G.A. 1940: *Khettskie bogi u armyan*. Erevan.
- Khaniotis, M. 2013: *Voyna v ellinisticheskome mire*. Saint-Petersburg.

- Lemann, Ed. 1992: Indusy. In: D. P. Shantepi de Iya Sossey (red), *Illyustrirovannaya istoriya religiy 2*. Sortavala, 8–143.
- Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013: *Meoty Zakuban'ya IV-III v. do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы*. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1968: *Kangyuysko-sarmatskiy farn*. Dushanbe.
- Lommel, H. 1939: *Der Arische Kriegsgott*. Frankfurt am Main.
- Macdonnel, A.A. 1897: *Vedic Mythology*. Strassburg.
- Mandel'shtam, A.M. 1966: *Kochevniki na puti v Indiyu*. MIA136. Moscow.
- Mathiesen, H.E. 1992: *Sculpture in the Parthian Empire. Catalogue*. Vol.II. Aarhus.
- Mellink, J.M. 1955: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 59/3, 238–240, pl.70–71, fig.4–9.
- Mellink, J.M. 1958: The Archaeology in Asia Minor. *AJA* 62/2, 101–103, pl.19, fig.12–16.
- Mole, H. 1965: *L'Iran ancien*. Paris.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Bologna–Ravenna.
- Nedovich, D.S. 1939: *Poliklet*. M. –L.
- Nikol'skiy, N.M. 1959: *Kultura Drevney Vavilonii*. Minsk.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s Kvadratnym zalom*. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1962: Obraz Chaganianskogo pravatelya na terrakotovom medal'one iz Khalchayana. *Vestnik drevney istorii 2*, 88–95.
- Pugachenkova, G.A. 1971: *Skulptura Khalchayana*. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1977: Gerakl v Baktrii. *Vestnik drevney istorii 2*, 77–92.
- Raevskiy, D.S. 1977: *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moscow.
- Robert, L. 1955: Dedicace Ares. *Hellenica X*, 72–78, pl.VIII.4.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol.II. Oxford.
- Sarkisyan, G. Kh. 1966: Obozhestvlenie i kult tsarey i tsarskikh predkov v Drevney Armenii. *Vestnik drevney istorii 2*, 3–26.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des Alten Persiens*. Berlin.
- Shlyumberzhe, D. 1985: *Ellinizirovanny Vostok*. Moscow.
- Shtakel'berg, R.R. 1901: Ob iranskom vliyaniy na religioznye verovaniya drevnikh armyan. Saint-Petersburg.
- Tiratsyan, G.A. 1960: *Akhemenidskie traditsii v drevney Armenii*. Moscow.
- Toporov, V.N. 2014: Traetona. In: V.V.Ivanov (red), *Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh ensiklopediy 2*. M., 380–385.
- Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kultury Drevney Armenii (II v do n. e.-IV v n. e)*. M. –L.
- Val'dgauer, O.F. 1923: *Lissip*. Berlin.
- Vertienko, A.V. 2014: Oruzhie Veretragny i voin-vepr' v paniranskoy srede. In: I. A. Ladyinin (red), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Sb. nauch. trudov XVIII Sergeevskikh chteniy 3*. M., 107–113.
- Vipper, B.R. 1972: *Iskusstvo Drevney Gretsii*. Moscow.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kulturreformen unter König Mithradates I Kalinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Weissbach, S. 1920: Samosata. *RE I*, 2220–2222.
- Wroth, W. 1900: *On the Rearrangement of Parthian Coinage*. London.
- Yatsenko, S.A. 2006: *Kostyum Drevney Evrazii (iranoyazychnye narody)*. Moscow.
- Young, J. H. 1964: Commagenian Tiaras: Royal and Divine. *AJA* 68/1, 29–34, pl.11–13.

ARTAGN–HERAKLES–ARES IN ANCIENT COMMAGENE

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Russia,
kornelitta@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the cult of Artagn–Herakles–Ares, god-protector of royal power, war and victory in the Commagenian Kingdom at the epoch of Antiochus I (69–34 BC), and his father Mithradates I Kallinikos (100–70 BC). Based on epigraphical and archeological sources, the author reviews the essence of this cult, analyzing its every element: Artagn (Avestan Veretragna), Herakles and Ares. All three deities had similar functions and might have been combined in unified syncretic image at the epoch of Antiochus I or Mithradates I. There was Greek iconography on the bas-reliefs, but the author considers, that Artagn was the central element of this cult, which Antiochus I evidently identified. Thus the king acquired the features of deity of war and victory. Besides, Artagn–Herakles–Ares was associated with Khvarenah – the royal charisma. Therefore the author rates, that this deity played the important part in the royal cult of Commagenian kings. The father of Antiochus I Mithridates I had the title of Kallinikos, which was evidently associated with Herakles-Veretragna. It is confirmed with the inscription of Antiochus' I epoch from the centre of royal and dynastic cults in Arsameia on the Nymphaeios. We know very little about practice of worshipping of this deity. The author assumes that a tunnel was associated with it, which was cut near basement III. In this tunnel several ceremonies might have been conducted, which the king acquired the features of Artagn–Herakles–Ares.

Key words: Hellenism, Commagena, Antiochus I, Artagn–Herakles–Ares, cult

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 85–94
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 85–94
©Автор(ы) 2016

ТЕРМИНЫ CADUCEATORES, LEGATI, ORATORES В ТРУДЕ ТИТА
ЛИВИЯ «ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА»

Л. М. Шмелева

Казанский Федеральный университет, Казань,
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Аннотация. В статье исследуются термины, используемые Титом Ливием в своем труде «История Рима от основания города» для обозначения посольств и послов. Ливий называет посольства в Риме легациями (*legationes*), а послов – легатами (*legati*), орато-

Шмелева Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. E-mail: Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru